

Рука Янь Цина, сжимавшая телефон, дрожала от гнева.

Погода и без того была скверной; в парке аттракционов многие уличные аттракционы закрыли, персонал разошёлся. В раздевалке остался только Янь Цин.

Датчик движения включил свет. Снаружи потихоньку прокрадывались сумерки.

В крошечной пустой раздевалке Янь Цин слышал собственное частое дыхание.

Жаль только, что маленький цветочный ёкай родился и рос в мирном старом театре, а потом несколько лет учился в вузе — ругаться не умел совершенно. Промучившись какое-то время, он яростно выпалил:

— У тебя вообще совесть есть?!

Тот, кто с праведным пафосом обвинял его в плагиате, — Чжун Фэнхэ. Тот, кто после его увольнения среди бела дня присвоил его идею, — тоже Чжун Фэнхэ.

— Эй, Сяо Янь, — Чжун Фэнхэ говорил с высоты своего положения, тон беззаботный. — Меня просто интересует результат. На моём месте ты поступил бы так же.

Янь Цин попросту сбросил вызов.

Он сидел на скамейке у раздевалки. Золотистые очки, скрывавшие треть лица, снова были на нём; рядом лежал милый маскот-костюм. Вокруг стояла тишина, шум снаружи почти утих.

— «На моём месте ты поступил бы так же».

ТЬФУ!

Молодой человек долго смотрел в журнал вызовов, кое-как загнал эмоции внутрь, встал, обнял костюм и мелким шагом отнёс его сдавать.

Янь Цин вышел из уже почти опустевшего парка. Машинально поднял голову: небо мрачное, тёмные тучи давят с краю. Опустил взгляд себе под ноги: снег на территории парка был вычищен подчистую, но земля была почему-то мокрая — совсем не по-зимнему янченски.

Похоже, вот-вот хлынет ливень — и погода внезапно изменилась.

Странно.

Вчера метель мела вовсю — с чего сегодня дождю?

Растительная интуиция, чуткая к погоде, шепнула ему нехорошее предчувствие.

Километрах в пятидесяти к западу от парка.

Все чёрные тучи, казалось, стянуло сюда. Пласт за пластом холмов — а огней почти не видать. Едва проступившие звёзды закрыло наглухо.

Ветер гнал облака, в толще туч копилось грозное сияние.

Вход в логово снова был запечатан. Но только что здесь бушевали демоническая энергия и драконий дух — они и стянули небо в эти многослойные тучи.

Обычно безупречно вежливое лицо Тао Нина наконец треснуло. Собранные в хвост длинные чёрные волосы растрепались, чёрные очки чуть съехали с переносицы. Под этими тучами он выглядел неопрятно.

Рядом с ним парил талисман. Из него донёлся старчески надтреснутый голос старейшины Лазурной Пичуги:

— Что случилось?

— Твою мать, — обычно бархатистый голос Тао Нина не удержался от матюка. — Лао Гэн пропал!

Старейшина Лазурной Пичуги мгновенно взвился на октаву:

— Что-о?!

— У входа только что вылезло слишком много нечисти. Он вошёл в раж, а потом...

Тао Нин запнулся.

Не успел он договорить, как на том конце уже загалдели старейшины. Голоса сливались в один сумбурный ор.

Тао Нин подумал: дай мне огня — и я пожарю всю эту свору старейшин в одну сборную остропрямую сковородку.

— Мы сейчас же выезжаем! — раздалось с той стороны.

Тао Нин элегантно закатил глаза; вся его напускная утончённость к чертям слетела с языка:

— На хрена вам сюда переться?! Когда Лао Гэна прорвало, я его чуток притормозил — и он меня чуть в порошок не стёр! Сейчас я даже нити его энергии не улавливаю. Что вам делать у входа? Разворачивайте сеть, ищите его!

Ли Мушань стоял рядом с озабоченным лицом:

— Как только у Хозяина всплывает та давняя рана из глубокой древности, он никого не узнаёт. Пока мы его не найдём, ни в коем случае никто не должен к нему прикасаться...

Что уж говорить о людях — даже ёкай с многовековым запасом энергии не сдюжит удара обезумевшего истинного дракона.

Тао Нин ещё легко отделался, что не осыпался прахом.

Пошёл дождь.

Хлынул внезапно. Те, кто ещё не покинул парк аттракционов, ринулись к выходу. Вчерашняя метель не оставила и мысли о ливне; зонтов почти ни у кого не было, кто-то натягивал капюшон, кто-то прикрывался сумкой.

У Янь Цина не было ничего. Он воспользовался тем, что толпа была занята собой, а сплошная стена ливня скрывала мелочи, — и окутал себя лёгким слоем демонической энергии, чтобы кошелек и телефон в кармане остались сухими.

Опустив голову, он быстрым шагом устремился в сторону, где, по его памяти, была автобусная остановка.

Парк располагался в пригороде. Прямо за воротами шла широкая трасса — по ней с воем проносились машины, поднимая ледяные брызги.

Янь Цин бежал, бежал — и вдруг резко остановился.

...Кажется, он побежал не в ту сторону. Остановка в другой стороне.

Янь Цин: «...»

Впереди уже никого не было видно. По обе стороны шоссе — рваная линия голого зимнего леса. Дождь хлестал, стёкла его очков намокли — чтобы не вызвать подозрений, он не стал прикрывать одежду и очки демонической энергией.

Он только собрался развернуться — как краем глаза, за плотной стеной дождя, увидел меж деревьев знакомую фигуру.

Тот сидел, полуприслонившись к стволу, согнув ноги в коленях. Дорогой чёрный плащ был забрызган мутной водой и грязью, на него налипли обломанные ливнем веточки.

Янь Цин не ожидал, что и суток не пройдёт, а он снова увидит Гэн Ихуая — и именно здесь.

Он замер на пару секунд — не забыл ведь ещё прошлую встречу и предложение о совместном проживании.

Маленький цветочный ёкай сделал под дождём несколько шагов вперёд, снова остановился, снова прошёл несколько шагов — и в итоге сердце дрогнуло.

Он подошёл, ступая по мокрым веткам, и медленно присел:

— Господин Гэн?

Дождь шумел слишком сильно.

Янь Цин повысил голос:

— Господин Гэн?

Тот никак не реагировал. Глаза закрыты, будто вовсе без сознания.

И даже в таком состоянии его отчуждённая аура заставляла держаться на расстоянии.

Немного жутковато.

Янь Цин слегка растерялся. Гендиректор с состоянием явно в десятки миллиардов выглядел так, будто сбежал с места похищения; сколько ни зови — не отзывается, брови плотно сведены.

Янь Цин: «...»

А что, если и правда сбежал с похищения?!

Он сам обалдел от такой мыльной драмы в собственной голове и попытался поднять Гэн Ихуая — не оставлять же человека мокнуть в лесу? При таком дожде и морозе — сутки без сознания под ливнем, и прямая дорога в реанимацию.

Янь Цин прикоснулся к нему. Со времени той странной ночи он впервые в столь ясном сознании сам инициировал контакт.

Едва коснулся плеча — как в голове тут же вспыхнули туманные картины той ночи. Кончики пальцев словно обожгло, и только тогда Янь Цин понял, что не смог хладнокровно отнести случившееся к разряду «мимолётная встреча».

Маленький цветочный ёкай пробормотал себе под нос:

— ...Похоже, мне не всё равно...

Он наклонился, продел свои чуть худощавые руки под его подмышками и обхватил мужчину со спины. Слишком близко: его левое ухо коснулось правого уха Гэн Ихуая. Разглядеть это возмутительно красивое лицо было невозможно.

И потому он не увидел, как в тот самый миг, когда он крепко обнял его, мужчина неспешно открыл глаза.

Эти глаза не были обычной глубокой синевой — в них словно жил свет, вместилище солнца, луны и звёзд.

И одновременно — леденящая жажда убийства без капли разума.

В руке Гэн Ихуая едва уловимо шевельнулась демоническая энергия. Он поднял ладонь — и вот-вот, без малейшей осознанности, должен был сомкнуть пальцы на шее молодого человека, из последних сил его поднимавшего.

Янь Цин ничего не замечал.

Он не видел, как лицо мужчины подёрнула ещё большая холодность, как в чертах не осталось ничего, кроме бесцельной жажды крови.

Сознание Гэн Ихуая балансировало между туманом и ясностью.

Смутно — рядом с ним оказался кто-то. Демоническая сила ничтожная. Не выдержит и удара.

— Убить его.

Врождённая, впаянная в кости кровожадность взметнулась пламенем. Он смотрел широко раскрытыми глазами — но перед ним была лишь мутная пелена.

Янь Цин бормотал:

— Ух ты, тяжёлый... И что мне теперь с тобой делать...

Он наконец сумел приподнять мужчину, ни на секунду не подозревая о смертоносной ладони, зависшей у него за спиной.

Ладонь Гэн Ихуая внезапно замерла.

Вокруг разливался слабый, едва уловимый аромат розы — как жаркое пламя, живой и яркий даже в этом ливне.

Далёкие воспоминания хлынули потоком: закрывающие небо и солнце лепестки укрывают его крошечное драконье тельце; жизненная сила исполинского цветка иссякает, но он держит демоническую силу и жажду убийства снаружи — оберегая его, ни на йоту не позволяя ранить...

Гэн Ихуай опустил руку.

Когда Янь Цин поднял глаза, тот всё так же сидел с закрытыми веками. Капли дождя стекали по красивому лицу тонкими струйками — сейчас он выглядел ещё сексуальнее обычного.

Хочется лизнуть.

— ...И о чём я думаю.

Он потащил Гэн Ихуая к трассе, с трудом поймал такси и поехал прямо к его дому.

Он не знал, почему мужчина оказался тут и почему потерял сознание, — но видел, что жизни его ничего не угрожает. Сначала надо отвезти его домой.

Тот, кто живёт с господином Гэном, наверняка сообразит, что делать.

По широкой подъездной дороге, где такси в принципе не появляются, подъехало грязное такси. Задняя дверь открылась — молодой человек вывел из машины мужчину постарше.

Тао Нин стоял у ворот особняка Гэн Ихуая и всё ещё матерился в телефон. От его тщательно выстроенного образа мягкого интеллигента не осталось и следа:

— Вы там что, все дебилы?! С вашей крохотной энергией никогда не засечь Лао Гэна, ищите его человеческими методами! ...Мне ехать на место? А если Лао Гэн появится у дома? Кто-то из вас рискнёт сюда сунуться? ...Я сейчас лопну от злости, если в течение часа не будет новостей — я вас всех сожру... А, ладно, вы, наверное, невкусные...

Тао Нин раздражённо оборвал звонок — говорить с этими мелкими ёкаями из Управления, которые не умеют пользоваться даже голосовыми талисманами, дальше не было сил. В наше время все, у кого есть способности, уходят в человеческий социум работать на себя, а в Управлении остаются одни трудяги-неудачники.

Злой и голодный, он выудил из кармана прессованное печенье и принялся хрустеть — по штучке за раз, как леденцы.

Пока в его поле зрения не влетел Янь Цин, ведущий Гэн Ихуая.

Хлоп —

Тао Нин опешил в полном объёме. Пальцы разжались, большой пакет прессованного печенья пал смертью храбрых. Он потёр глаза:

— Я ослеп, что ли?.. Лао Гэна привёл домой маленький цветочный ёкай, который даже маскирующего заклинания не знает?!

Тот самый запах розы неотступно был рядом.

Он убаюкал его в глубокий сон, а потом медленно вывел из тумана и хаоса.

Гэн Ихуай неспешно открыл глаза. Потолок высокий, изысканные обои, тёплый жёлтый свет люстры, у окна — множество разнообразных цветов.

Это его комната.

Он приподнялся и тут же осознал: он дома.

Тао Нин будто установил в его комнате камеру — Гэн Ихуай едва успел сесть, как великий пианист уже нарисовался перед ним:

— Очнулся?

Тао Нин улыбнулся, не показывая зубов, и глаза его сощурились в две изящные дуги —

образцовый утончённый молодой господин.

— Меня снова прорвало, — утвердительно произнёс Гэн Ихуай.

Тао Нин кивнул:

— Ага. Ещё скажи спасибо тому маленькому цветочному ёкаю, что доставил тебя обратно.

Услышав «маленький цветочный ёкай», Гэн Ихуай восторженно вскрикнул, и взгляд наконец сфокусировался на Тао Нине:

— Маленький цветочный ёкай?

— Тот самый, что в тот день сидел кустом у ворот и с которым ты немного поиграл, — глаза Тао Нина сияли предвкушением зрелища. — Я придумал отмазку, объясняющую, почему ты потерял сознание у входа в логово. Отговорился тем, что тебе, когда очнёшься, могут понадобиться подробности, — и оставил его. Он ещё не ушёл, отдыхает в гостевой комнате. Прикинь, оказался моим фанатом. Мой драгоценный автограф я ему вчера подарил...

При этих словах бесстрастное лицо Гэн Ихуая едва заметно дрогнуло. Он поднялся, обошёл Тао Нина и направился прямо к гостевой.

Тао Нин тут же увязался следом:

— Когда тебя прорывает, ты никого не узнаёшь. А тут — ни волоска ему не тронул! Меня, между прочим, ты чуть в кашу не размолотил, ты в курсе?

Гостевая была недалеко от главной спальни — за поворотом.

Дверь была приоткрыта. Гэн Ихуай остановился на пороге. В комнате юноша с короткими волосами цвета вина сидел за письменным столом, чуть склонив голову, и снова с блокнотом и перьевой ручкой в руках — думал, что-то записывал.

Как и утром, когда он велел ему «не мешать»: сосредоточенное лицо, сведённые брови, вид человека, которого не отвлечёшь, даже если небо рухнет, — будто бумага перед ним и есть весь его мир.

Тао Нин тоже остановился у двери:

— Цк... а ещё до последнего отпирался. Влюбился — так и скажи. Знаешь, если ты заведёшь отношения, старейшины ёкаев на радостях устроят десятидневный фейерверк...

— Заткнись.

Следующая фраза Гэн Ихуая заставила великого ёкая-обжору выпучить глаза так, что он едва не задохнулся.

— Ты ему помешаешь.

<http://bllate.org/book/21883/2280536>